

**Сибирь в поэтическом воображении
русского модернизма:
живые и ожившие картины Марины Цветаевой**

С. Ю. Корниенко

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена опыту поэтического визионерства и экфрасического описания в поэме Марины Цветаевой «Сибирь». Исследуются источники нескольких «живых картин» (поэтических исторических зарисовок нравов допетровской Руси). В частности, история Покровско-Туринского монастыря, поэтически осмысленная Цветаевой. Существенным приращением к исторической зарисовке будет появление внутри истории XVII в. «сибирского старца» Григория Распутина. Эта фигура еще при жизни была мифологизирована одновременно на агиографической и демонологической основе. Цветаева представляет эту экзотическую фигуру как культурный реванш допетровской Руси. На фоне разнообразных «живых картин» цветаевской поэмы особенно выделяется одна «ожившая». Это экфрасический образ «Меншикова в Березове», отсылающий как к картине В. Сурикова, так и к известному стихотворению М. Кузмина «Декабрь морозит в небе розовом...».

Ключевые слова: сибирский текст, экфрасис, Марина Цветаева, палимпсест, Распутин.

Корниенко С. Ю. Сибирь в поэтическом воображении русского модернизма: живые и ожившие картины Марины Цветаевой // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 152–169.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-152-169

Контактная информация: Корниенко Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, sve-kornienko@yandex.ru)

Огромная земля на востоке империи, размерами намного превосходящая метрополию, нередко будила воображение русских писателей и поэтов. Но, во многом оставаясь terra incognita для художников европейской России, сибирский текст русского модернизма неизбежно наполнялся штампами и стереотипными представлениями, тяготеющими к одному из крайних полюсов. Сибирь представлялась то не тронутым цивилизацией природным пространством, пробуждающим мечты о потерянном райском изобилии и блаженстве, то пространством вечного мрака и холода, отсылая к ледяному озеру в глубинах дантовского ада. Противоречивость сибирского текста, в котором смешивались «ад» и «рай», идея вольной жизни на вольной земле и рабского труда на вечной каторге, представления о сибиряках одновременно как носителях глубинного народного начала («нутряной Руси») и как поверхностно-предприимчивых русских «американцах», во многом объясняется историей колонизации этой земли. Идеолог сибирского областничества Николай Ядринцев объяснял противоречивую природу представлений о Сибири ее тяжелой историей. Благословенная земля, подлинное «эльдorado», открытое на юге Сибири первопроходцами XVI–XVII вв., было превращено государством, по выражению историка, в «место ссылки, тьмы и холода», поэтому «вместо мифов об обетованной земле начали слагаться другие мифы о стране, где люди ходят под землей и где не светит солнце» [Ядринцев, 1882, с. 129]. «Страна будущего, “наша Мексика и Перу”, наше “золотое дно”, завтра является забракованным местом ссылки и каторжного труда, безжизненной пустыней и краем, не имеющим политического значения» [Там же, с. 444], – такими видел сибирский историк неутешительные итоги XIX в.

Протеическая подвижность и неустойчивость сибирского текста должны были привлекать поэтов-модернистов новыми возможностями письма. Однако в основном «сибирская тема» в творчестве поэтов метрополии ожидаемо не освобождается от пушкинских конвенций, заданных в его посланиях в «глубину сибирских руд». Для абсолютного большинства художников слова отдаленная Сибирь так и осталась виртуальным пространством (фантазийной «возможной Россией»), объектом для поэтического визионерства и мрачных пророчеств по поводу собственного будущего.

Большую роль в открывшемся у многих поэтов «втором дыхании» в литературном освоении Сибири сыграет резко возросшее политическое и эстетическое значение Сибири в эпоху больших исторических потрясений. Во времена Гражданской войны Сибирь на короткое время станет многолюдным и значимым пространством, где будет решаться судьба всей большой России. Дискуссии о Сибири как «месте силы», с которого может начаться преобразование всей России, продолжатся и в эмиграции. В том числе на страницах близких модернистам пражских журналов – «Воля России» (где Марина Цветаева была ведущим автором) и «Вольная Сибирь». Именно с Сибирью как «вольной землей» и сибиряками, «никогда не знавшими холопства», идеологи эсеровского движения связывали позитивную программу медленной «революции снизу»¹.

Марина Цветаева, в отличие от некоторых коллег по литературному цеху, никогда не бывала в Сибири. В ее эмпирическом опыте не было ни непосредственных переживаний бескрайних сибирских пространств, ни значимых встреч с сибиряками. Однако интерес Цветаевой к сибирской истории совершенно неслучаен и связан с ролью нашей земли в общей судьбе Российской империи. Поэма «Сибирь», которую поэт публикует в журнале «Воля России» в 1931 г., обладает двойным статусом. С одной стороны, перед нами законченная историческая поэма, посвященная перипетиям сибирской истории XVI–XVIII вв. С другой стороны, известно, что поэма «Сибирь» являлась составной частью огромного произведения, ныне считающейся утраченной «Поэмы о Царской Семье». Исторический эпос, посвященный роковым страницам истории русского XX в., Цветаева так и не сможет полностью опубликовать по причинам, о которых напишет в личном письме к Р. Ломоносовой от 1 февраля 1930 г. Однако из письма следует, что первая редакция будущей поэмы была готова зимой 1930 г.:

Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское – Речная дорога до Тобольска – Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск до Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсю-

¹ Поиски в далекой Сибири «места силы», с которого начнется преобразование всей России, – характерный сюжет для пражских политических изданий («Воли России» и связанного с ней журнала эсеров-областников «Вольная Сибирь»). См. нашу публикацию новосибирского очерка Глеба Гонцова «Город сибов, “китаев”», обывателей и чиновников». В очерке, опубликованном на страницах «Воли России», Гонцов неожиданно слагает гимн местной «нахаловке». Среди новониколаевских деревянных домиков и хибар в пойме реки Каменки странствующему по Сибири эсеру-инкогнито совсем не случайно видится блоковская «Америки новой звезда». Подробнее см. публикацию на сайте проекта «Открытая кафедра» (<https://ok.academy/2017/01/gleb-gontsov/>). Также см. поэму А. Ачаира «Казак» с узнаваемыми отсылками к поэзии М. Цветаевой, опубликованную на страницах журнала «Вольная Сибирь» в 1929 г. (№ 5, 6/7). Сообщено И. Е. Лоциловым.

да – страна Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург – дорога на Рудник Четырех братьев (ѣм жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны» («формы», – кавычки из-за гнусности слов), там – туда просто не дойдет, физически, как все, и больше – меньше – чем все мои книги. «Для потомства?» Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, – дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна» [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 317].

Взаимное отторжение Цветаевой и эмигрантского консервативного большинства, по мнению Ю. В. Шатина, прежде всего связано с конфликтностью эстетических установок Цветаевой по отношению к конвенциям, установленным лидерами мнений русского зарубежья. Основной культурный слой эмиграции расходовал «почти весь свой потенциал на сохранение уже существовавших этических и эстетических ценностей, а не на их развитие» [Шатин, 1991, с. 10], в то время как «творчество Цветаевой периода эмиграции – смелая попытка встать над классом, над временем, над обеими противоположностями некогда единой языковой культуры» [Там же]. Так, в «Поэме о Царской Семье» авангардная (левая) поэтическая форма вступила в дискурсивное расхождение с содержанием произведения (царская семья, ее история и пр.), эстетически узурпированным эмигрантским монархическим (правым) большинством.

Композиция большой поэмы, как показала Е. Б. Коркина [1992], отражает последний путь императорской семьи – из Петербурга в Тобольск, а затем в Екатеринбург – к месту гибели. В «Сибири» память о большой поэме весьма заметна: только на первый взгляд неожиданно в исторической зарисовке Туринского монастыря образца XVII в. вдруг появляется в качестве перспективной проекции фигура Григория Распутина:

Как на земле непаханой
На речке на Туре
Монашки-то с монахами
В одном монастыре

Спасались. Не курицу –
Лис, девку подстерг
Монах. Покровско-Туринский
Поднесь монастырек

Стоит. (Костлявым служкою –
Толчок: куды глядишь?
В монастыре том с кружкою
Ходил Распутин Гриш)
(Цветаева, 2019, с. 7)².

² Цит. по: [Бальмонт К. Д.; Цветаева М. И. ..., 2019].

Речь в приведенном фрагменте идет о Покровском монастыре в Туринске, что стоит на реке Тура. История Покровского монастыря в г. Туринске, вдохновившая поэта на эти строфы, нашла отражение сразу в нескольких исторических источниках. В очерках о Сибири XVII в., история монастыря возникает на страницах, посвященных деятельности архиепископа Киприана по «исправлению нравов» сибиряков и устранению последствий церковной «вольницы»: «В Туринске существовал монастырь Покровский, построенный в 1604 году, как и Верхотурский, на средства доброхотных дателей. В этом монастыре монахи и монашки жили вместе без всякого присмотра и из монастырских правил соблюдалось только одно: служба церковная отправлялась священником из белого духовенства. Архиепископ Киприан определил туда игумена Макария, с наказом уничтожить вкравшиеся беспорядки и ввести строгие монашеские правила. Усилия игумена Макария в течение нескольких лет не приносили плодов, и монахи не прекращали сожителства с монахинями» [История Сибири, 1889, с. 183].

Современные историки полагают, что Туринский Покровский монастырь, где совместно проживали старцы и старицы, не был абсолютным прецедентом в церковной истории и тем более не представлял особого «гнезда порока». Так, историк И. Манькова отмечает особый статус так называемого Покровского монастыря, который в XVII в. являлся скорее не уставным общежительным монастырем, а монашеским сообществом (по аналогии с «монастырьками» в центральных уездах Руси XVI в.). Именно для «монастырьков» было характерно, что «рядом с приходскими церквями стояли кельи, в них жили старцы, кормившиеся подавниями». На раннем этапе колонизации в молодых сибирских городах преобладали «не монастыри, организованные по общежительному уставу, а подобные монашеские сообщества» [Манькова, 2016, с. 129].

История Покровского монастыря заканчивается с календарным XVII в. В списке сибирских монастырей на 1697 г., приведенном П. Словоцовым, город Туринск представлен только Николаевским мужским монастырем, никаких сведений о женском Покровском монастыре нет. Прецедентной история Туринского Покровского монастыря представляется не в работах профессиональных историков, а в популярных переложениях сибирской истории (например, тобольского публициста К. Голодникова, книгой которого «Тобольск и его окрестности» [1886], вероятно, пользовалась Цветаева). Одно из этих переложений становится для Цветаевой источником фантазийного образа допетровской Сибири как зверино-первобытного рая (охота монаха на «девок»), синтеза сексуальной и религиозной вольницы – в духе модернистских представлений о жизни хлыстовских религиозных общин.

Сибирь XVII в. предстает в поэме как земля религиозной и сексуальной вольницы. Тем любопытнее, в финале истории Туринского Покровского

монастыря во временной перспекции неожиданно появляется зловещий герой новейшей русской истории – «сибирский старец» Григорий Распутин («В монастыре том с кружкою / Ходил Распутин Гриш»). Однако в реальной биографии Распутина это совершенно иной монастырь в другом сибирском городе, так как Покровский женский монастырь в Туринске прекратил свое существование еще в конце XVII в. В молодости Распутин совершил паломничество в Верхотурье, где также существовали Покровский женский монастырь и Свято-Николаевский мужской монастырь, с которого и начался путь Распутина к Петербургу и царскому престолу (расстояние между Туринском и Верхотурьем составляет около 200 километров).

В осмыслении этой экзотической фигуры, еще при жизни «сибирского старца», реальность (влияние на политические решения престола, непристойность поведения, отношение к религиозным сектам, в частности к хлыстовству) часто становилась источником для мифологических и эстетических построений, причем одновременно как на агиографической, так и демонологической основе.

В воспоминаниях Анны Вырубовой, фрейлины императрицы и значимой героини цветаевской «Поэмы о Царской Семье», имя Распутина тесно связывается с Верхотурским монастырем:

В 1915 году я еще раз ездила в Сибирь. В этот раз с моей подругой Лили Дэн и другими и со своим санитаром, так как была на костылях. В этот раз ехали мы на пароходе по реке Туре из Тюмени до Тобольска на поклон к мощам святителя Иоанна. В Тобольске останавливались в доме губернатора, где впоследствии жили Их Величества. Это был большой белый каменный дом на берегу реки – под горой; большие комнаты, обильно меблированные, но зимой, вероятно, холодные. На обратном пути останавливались в Покровском. Опять ловили рыбу и ходили в гости к тем же крестьянам. Григорий Ефимович же и его семья целый день работали в доме и в поле. Оба раза на обратном пути заезжали в Верхотурский монастырь на Урале, где говели и поклонялись мощам св. Симеона. Посещали также скит в лесу, в 12 вестах от монастыря; там жил старец отец Макарий, к которому многие ездили из Сибири [Фрейлина ее величества..., 1990, с. 186–187].

Верхотурье и конкретная локация – скит старца Макария – упоминается еще в одном важном для Цветаевой источнике. В личном письме С. Андронниковой-Гальперн от 20 августа 1929 г. собирающая материал для будущей поэмы Цветаева сообщает своему адресату о впечатлениях по поводу новой прочитанной книги: «Прочла – довольно скучную – книгу Белецкого о Распутине с очень любопытным приложением записи о нем Илиодора, еще в 1912 г. (“Гриша”, – м. б. знаете? Распутин, так сказать, *mise a nu*)» [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 124]. Трансгрессивная природа распутинской личности, раскрывающаяся в заметке Илиодора: многочисленные нарушения норм и табу, соединение сексуального и религиозного экстаза, религиозной и эротической вольницы, – не могла не заинтересо-

вать Цветаеву. Полный текст записок Илиодора (мирское имя – С. Труфанов) о Распутине вышел под названием «Святой черт» (1917). Неизвестно, была знакома ли Цветаева с этой публикацией, скорее всего с интерпретацией Илиодором фигуры Распутина она познакомилась по приложению в книге С. Белецкого:

Уже после я понял, что Гриша хотел сделать меня хлыстом, связать меня хотел... Гриша в это время мне рассказывал про то, что у него не действует детородный член, что он бесстрастный, как он радел с Вешняковой, нянькой Царских детей, с Ленкой и другими, как они в келье о. Макария, в Верхотурье, голыми ногами обнимали его голову, руки, ноги, как он вместе с ними спал, как Вешнякова рвала на себе волосы из-за того, что ей не пришлось лежать бок о бок с Гришей и т. д. Я слушал и соблазнялся, и думал: «Вот так святой». Гриша спрашивал меня: «Ну что, соблазняешься?» [Белецкий, 1923, с. 96].

Перспективный ход, используемый Цветаевой, – от истории Туринского монастыря (намеренно или случайно смешанного поэтом со Свято-Николаевским Верхотурским) к событиям краха империи, одним из персонализированных символов которого был Распутин, – эстетически совершенно объясним. Цветаева прочитывает образ Распутина как культурный реванш допетровской Руси. В таком историософском построении особую роль начинает играть его сибирская генеалогия. В поэме отражаются общие представления о сибиряках как особом виде свободного русского человека, «каким он был в России древле, до появления кабалы, холопства, крепостного права» [Брокгауз и Ефрон, 1890–1907, т. 29, с. 762; Ядринцев, 1892, с. 133]. Эта идея, культивируемая в литературе сибирского областничества, найдя отражение в популярных энциклопедических словарях, в начале XX в. получила статус культурного консенсуса.

Как сибиряк особого типа представлен сибирский «старец» и в популярных в среде русских эмигрантов мемуарах Феликса Юсупова, одного из убийц Распутина. Юсупов объясняет ловкую, хитрую и хищную природу своего героя его преступным происхождением:

Сибиряки по характеру люди смелые, суровые, но и в большинстве своем очень честные. Воровство они жестоко клеймят и часто наказывают своим судом. Единственный человек, которому они решатся в оскорбительной форме напомнить о его происхождении, – это вор, особенно конокрад. Существует специальное сибирское слово «варнак». «Варнак» – значит, бродяга, беглый каторжник; хуже наименования нет.

Этим названием с молодых лет был отмечен Григорий Распутин.

В его роду сказалась преступная кровь предков: сын конокрада, он сам стал вором и конокрадом. В этом позорном и рискованном ремесле упражнял он свою ловкость и хитрость, свои хищные инстинкты [Юсупов, 1990, с. 30].

Эстетический консенсус в модернистской «распутиниане» связан со стихийной, неконтролируемой природой его личности. Распутин предстает то как «бездны русского духа», «пропасти его» у А. Блока [Записные книжки Ал. Блока, 1930, с. 195–196], то как воплощение подлинной Руси («всей Руси») у В. В. Розанова: «Гриша вообще ничего не может делать, кроме как любить, молиться и семь раз на день сходить в кабинет уединения», «Вдруг Гриша пошел без рельсов» [Розанов, 1994, с. 66]. «Распутинщину» как неконтролируемую стихию, в духе модернистских фантазий на тему хлыстовских общин, чувствует и его убийца:

В основе хлыстовства есть, несомненно, что-то языческое: танец, начинающийся с медленных ритмических движений, затем переходящий в безумное кружение, ослепительный блеск множества свечей, зажигаемых в комнате во время «молений», и дикая любовная оргия. В темных тайниках народной души, видимо, сохранились чувства и образы далекой древности, которые вылились в формах кощунственного искажения христианской веры [Юсупов, 1990, с. 33].

Как своеобразную эманацию Пугачева (и – шире – пугачевщины) прочитывает образ Распутина близкий друг Цветаевой поэт М. Волошин: «И вот со дна самой крестьянской гуши – / Из тех же недр, откуда Пугачев, – / Рыжебородый, с оморощным взглядом – / Идет Распутин в государев дом» [Волошин, 2003, с. 372].

В одном из сохранившихся фрагментов «Поэмы о Царской Семье» Распутин легко узнается в образе травестийной, зооморфной «страшной няньки», черты которой Цветаева (в этом ее эстетическая позиция близка Волошину) позднее использует в конструировании образа Пугачева (эссе «Пушкин и Пугачев», 1937):

Возле люльки – гляди-ка –
Вторая тень:
Грудь кумашная, шерсть богатая:
Нянька страшная, бородастая.

.....

Сапогом следит.
В колыбель – дитю
Бородой глядит.
[Цветаева, 1990, с. 669]

Распутин как «пешая и лешая судьба России», носитель особой «чары» (как и будущий цветаевский Пугачев) появится и на страницах цветаевского эссе «Истории одного посвящения» (1931):

Есть у Гумилева стих – «Мужик» – благополучно просмотренный в свое время царской цензурой – с таким четверостишием:

В гордую нашу столицу
Входит он – Боже спаси! –

Обворожает Царицу
Необозримой Руси...

Вот, в двух словах, четырех строках, все о Распутине, Царице, всей той туче. Что в этом четверостишии? Любовь? Нет. Ненависть? Нет. Суд? Нет. Оправдание? Нет. Судьба. Шаг судьбы.

Вчитайтесь, вчитайтесь внимательно. Здесь каждое слово на вес – крови.

В гордую нашу столицу (две славных, одна гордая: не Петербург встать не может) входит он (пешая и лешая судьба России!) – Боже спаси! – (знает: не спасет!), обворожает Царицу (не обвораживает, а именно, по-деревенски: обворожает) необозримой Руси – не знаю, как других, меня это «необозримой» (со всеми звенящими в нем зорями) пронзает – ножом [Цветаева, 1994–1995, т. 4, с. 141].

Композиционно поэма «Сибирь» двучастна: первая часть (в перспективном плане поэмы, сохранившемся в одном из личных писем поэта, обозначена как «Сибирь воевод») представляет собой обширную зарисовку вольных нравов допетровской (доимперской) Сибири, во второй части явлена Сибирь любимого Цветаевой XVIII в. История сибирского края в век больших биографий персонифицирована яркими судьбами трех губернаторов – Матвея Гагарина, Федора Соймонова и Дениса Чичерина.

Допетровская Сибирь предстает в поэме как природный универсум, зверино-первобытный рай, вольная земля, в которую еще не пришел закон – государственный и церковный, но уже проникли первые русские люди. Этот мир вольных, не сдерживаемых никакими нормами героев, бушующих стихий, страсти и необузданного насилия представлен поэтом иронически, но с симпатией и пониманием. Николай Ядринцев об этом феномене преобразования русского человека в период первичной колонизации писал следующее:

По историческим обстоятельствам, русский человек в первый раз на сибирской почве почувствовал волю и предался необузданной свободе. Крепостной раб, кабальный, подневольный человек ищет в новых местах убежища и отдается поискам впервые за личным счастьем и богатством. В это время Сибирь представляет оживленную картину: на севере казаки плывут на стругах и покоряют инородцев; они рассылают отряды в разные стороны и строят городки и «остроги» (т. е. крепости); за ними следуют промышленные люди и соборевщики... <...> Правительство и частные лица соперничают в захвате богатств, и казна, под конец, налагает широкую руку монополии на всякое открытие, на всякий ценный промысел. Народ в Сибири под влиянием поисков за богатствами преобразился в бродячих и кочующих авантюристов, так что государству и правительству впоследствии предстояло много труда и усилий прикрепить его к месту [Ядринцев, 1882, с. 229].

Поэма начинается динамичной «живой картиной», в центре которой импрессионистически-метонимический образ Тобольска, персонифицированного в виде «лихого казака» – в моменте наиболее интенсивного дви-

жения (причем как внешнего, так и внутреннего – «шустрота под шапкой»):

Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» – забыл, чем был?

Посадка-то! лошадка-то!
А? – шапка высока!
А шустрота под шапкой-то!
– С доставкой ясака.

Как – «краше сказок няниных
Страна: что в рай – что в Пермь...»
Казаки женок сманенных
Проигрывали в зернь
(Цветаева, 2019, с. 7) ³.

В этой динамической «картине» представлена зарисовка вольных нравов допетровской Сибири (злоупотребления в сборе ясака, «увоз» чужих «женок» из метрополии в Сибирь). Эта поведенческая деталь из быта сибирских колонистов XVII в. упоминается в нескольких источниках (Г. Миллер, И. Фишер, П. Словцов), но толкуется по-разному. Историк Словцов объясняет «первые семена ложной жизни» («направление к праздному проведению времени, игра в кости (зернь) и в карты, вспышчатливость к обманам») особой восприимчивостью казаков к различным влияниям, в том числе со стороны колонизируемых культур:

Чувственное жите магометан и идолопоклонников, не осуждаемое ни верованиями, ни их нравами, бессемейность казаков, одиночками отправлявшихся в страну нехристианскую, военная и удалая их жизнь, одурелость промышленников, давно с роднею расставшихся, падкость к прибуткам, выдуманная безгрешность обирать и обсчитывать некресть, наконец, новая покатошь к смелостям после государственного потрясения, там и сям заявившая себя, и веселая беззаботность, пенившаяся из кружечных дворов, в 1617 г. в Сибири открытых, представляла при безгласности приходского духовенства картину жизни языческой. Казаки, увлекшись обычаем многоженства, вздумали иметь жен не одних, то чрез обольщения из России привозимых, то понимаемых в улусах и особо содержимых по городам и на отъезжих постах; но тех и других, иногда венчанных по воеводским приказам, они закладывали и мало заботились о выкупе их и участи детей [Словцов, 1838, с. 52–53].

На страницах популярной книги К. Голодникова образ «анархического рая» – сибирской вольницы без церковного и государева «пригляда» – также находит описание. Тобольский публицист, в отличие от историка

³ Цит. по: [Бальмонт К. Д.; Цветаева М. И. ..., 2019].

Словцова, не подвергает сибирские нравы моральной обструкции и описывает их с позиции чистого наблюдателя:

Отправляясь в Москву для доставления ясака или по другим делам, сибирские казаки женились в России по несколько раз, а также щеголя там в лисьих и дорогих шубах, хвастались своим богатством и посредством разных обольщений сманивали и увозили с собою в Сибирь не только девиц, но и молодых замужних женщин. По возвращении же в Сибирь лишних жен и похищенных девиц они проигрывали в зернь (кости и карты), закладывали в нескольких рублях или даже продавали другим холостым обывателям [Голдников, 1886, с. 39].

Во второй «имперской» части перед Цветаевой стояла сложная эстетическая задача – отлить в поэтическую форму и вместить в поэтическую строфу человеческую историю. Поэт неслучайно ищет своих потенциальных героев именно в Сибири XVIII в. Каждый из выбранных ею губернаторов связан со своей эпохой: петровское время представлено судьбой княжеского сына Матвея Гагарина; милостивое елизаветинское – сказочным сюжетом с Федором Соймоновым, спасенным из пропастей вечной каторги; безудержная имперская экспансия екатерининского времени – стремительным Денисом Чичериным. В поэме отражается характерный для XVII–XVIII вв. дух свободного движения, поэтически передаваемый авангардной природой цветаевского стиха: с авторской пунктуацией (и в значимых местах ее отсутствием), тотальными анжамбеманами, проспективно-ретроспективными ходами вплоть до симультанности. Сильными местами текста станут моменты столкновения наиболее интенсивного движения, воплощающего полноту жизни и человеческого существования (от стихийной вольницы XVII в. до парадного шествия цивилизации в век Просвещения) – с моментами полной остановки: Ермаком, который пошел «самопервейшим жерновом» ко дну заканчивается зарисовка допетровской Руси, начало России новейшей венчает повисшее «юстиц-коллегии против» тело первого губернатора Сибири деятельного Матвея Гагарина. И, наконец, на встречу с всегда побеждающей неотвратимостью – ледяной неподвижной правдой сибирской природы поэт отправит своего героя губернатора Дениса Чичерина (последнего в цветаевском параде губернаторов).

Впрочем, этот поэтический сюжетный ход (мгновенная остановка в момент наиболее интенсивного движения) в очень изменчивой поэтике Цветаевой абсолютно универсален и неизменен. Еще в юности именно так (застывание в наиболее эстетически привлекательном виде в момент поэтического экстаза) ее лирическая героиня переживала собственную смертность:

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:

И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос
[Цветаева, 1980, с. 149].

Функцию своеобразного «экзистенциального рва», в который поэт отправит заглянуть своего героя – сибирского губернатора Чичерина, выполнит разверстая могила Меншикова в Березове с «ледяной мумией» «Первого Государева Друга». С именем губернатора Чичерина сибирскими историками, которых много и внимательно читала Цветаева, связывалось значительное продвижение фронта – границы «диких» и уже освоенных русскими колонистами земель, и, следовательно, цивилизационный рывок от первобытного уклада охотников и собирателей к земледельческому освоению Сибири (в частности он окончательно закрепляет Барабинскую степь за Российской империей, заселяя весь Сибирский тракт от Тюмени до Иркутска). В цветаевской поэтической логике параллель двух «потемкиных» – Таврического и Сибирского – совершенно оправдана их символической ролью в судьбе Российской империи, близостью личностных типов. Любопытна ироническая генеалогия рифмы «хатенкой / Потемкин», отсылающая к историческому мифу о пышно декорированных «потемкинских деревнях», идиоматически закреплённых в языке в качестве символа иллюзорности благополучия.

– Сей, дяденька, ржицу!
– Тки, девонька, холст!
В тайжице – в травнице
– Ужу не проползть –

В уремах, в урманах
– Змее не пролезть –
Денису Иванычу
Вечная честь.

Так, каждой хатенкой
Равнявшей большак,
Сибирский Потемкин
С Таврическим в шаг
Шел.

Да не споткнись шагаючи
О Государства давешний
Столп, то бишь обещанный
Меньшикова Светлейшего
– В красках – досель не умерли! –
Труп, ледяную мумию

Тундры – останки мерзлые
Меньшикова в Березове
(Цветаева, 2019, с. 10) ⁴.

Так на фоне многочисленных «живых картин» Сибири XVI–XVII вв. – образцов цветаевского исторического визионерства – появляется одна своеобразно «ожившая» (Меншиков в Березове). Судьба царского фаворита, талантливого, плутоватого, с кипучей энергией, позволившей безродному Меншикову подняться к вершинам власти в огромной империи, волновала многих художников. Его фигура неизменно появляется во всех произведениях русской литературы с «петровской» темой. Художественно перспективной оказалась и дальнейшая судьба Петрова любимца: во время царствования Петра II в 1727 г. он будет арестован и затем сослан к северу от Тобольска, в город Березов Сибирской губернии, где через год с небольшим скончается. История поверженного «полудержавного властелина», недавнего фактического правителя огромной России, великана, запертого судьбой в сибирском бревенчатом пятистенке, вдохновит художника-сибиряка В. Сурикова написание знаменитой картины «Меншиков в Березове» (1883).

В. И. Суриков. Меншиков в Берёзове. 1883. Государственная Третьяковская галерея
V. I. Surikov. Menshikov in Berezovo. 1883. State Tretyakov Gallery

⁴ Цит. по: [Бальмонт К. Д.; Цветаева М. И. ..., 2019].

Над книгой о Сурикове, с отдельной главой, посвященной этой картине, работал во времена близкого общения двух поэтов друг Цветаевой – Максимилиан Волошин. Сама Цветаева часто использовала образы суриковской живописи в своей лирике (см., к примеру, экфрастический образ «боярыни Морозовой на дровнях» в цикле «Москве»). Высоковероятно, что Цветаевой было известно очень популярное в эмиграции провиденциальное стихотворение М. Кузмина «Декабрь морозит в небе розовом...», с конструированием концепции собственной судьбы вокруг образа «Меншикова в Березове»:

Декабрь морозит в небе розовом,
Нетопленный мрачнеет дом.
А мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем
[Кузмин, 2000, с. 644].

Образ «Меншикова в Березове», как в поэме Марины Цветаевой, так и в стихотворении Михаила Кузмина, очевидно экфрастичен. Тексты сближает и своеобразная рефлексия собственной судьбы на фоне тектонических исторических сдвигов. Однако если в кузминском стихотворении в поэтическом фокусе оказываются книга (Библия) и лирический сюжет чтения, то в цветаевской поэме происходит трансгрессивно-проспективный прыжок за пределы картины и экфрасиса. Сквозь заиндевелое окно – за пределы избы, в ледяную бескрайность сибирской тундры. В скобках отметим, что именно «замерзшее оконце» в свое время оказалось в фокусе А. Бенуа, выступившего в роли интерпретатора этой картины:

Глядя на лицо умирающей Меншиковой, вспоминается несчастная, тихая, милая, ни за что погубленная Лиза из «Подполья», исчезающая во мгле зимних безнадежных сумерек среди хлопьев мокрого снега. Одно *замерзшее оконце в этой картине* передает весь чарующий ужас зимы; *чувствуются за этим окном белая мертвая гладь и безжалостный холод* (курсив наш. – С. К.). Слова Священного писания, которыми искушенный бесом гордыни и ныне наказанный исполин пытается утешить свою истерзанную душу, звучат в этой обстановке торжественнее, значительнее, но и страшнее, нежели в самом величественном храме⁵.

Таким образом, модернистский образ «Меншикова в Березове», в цветаевской поэме, с оригинальным египетским обертонированием («ледяная мумия»), явно приобретает палимпсестные черты. Каждый из поэтов пишет своего «Меншикова в Березове» поверх чужого живописного и словесного полотна, переписывая за счет смещения фокусов и акцентов источник и даже выходя (в цветаевском случае) за пределы картины и эк-

⁵ Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. URL: https://royallib.com/read/benua_aleksandr/istoriya_russkoy_givopisi_v_XIX_veke.html#1122005 (дата обращения 17.03.2020).

фрастического описания. О сходном феномене писал Ю. В. Шатин в статье «Ожившие картины: экфразис и диегизис»: «Когда говорят об источнике, породившем тот или иной текст, обычно не принимают во внимание фактор множественности, ибо чем больше слоев культуры вовлечено в палимпсест и чем оригинальнее они переработаны, тем более авторское сознание свободно от эмпирической действительности и обслуживающего ее языка» [2015, с. 161].

Кроме контекста эстетического, для Цветаевой в этом фрагменте важен и исторический контекст. В исторической реальности на «останки мерзлые / Меньшикова в Березове» наткнется вовсе не губернатор Чичерин. Приказ о розыске останков Петрова фаворита отдаст один из следующих тобольских губернаторов Д. Н. Бантыш-Каменский, по совместительству русский историк, археограф, составитель «Словаря достопамятных людей русской земли», а через два года после нахождения захоронения, в 1827 г. посетит его сам:

«Я возвратился в Березов, – пишет Каменский, – 6 января 1827 года и того же числа, обревизовав присутственные места, осмотрел гробницу Меньшикова, бывшего генералиссимуса российских войск. <...> По снятии крышки оказалось, что тело усопшего, покрытое на вершок льдом, не имело ни малейшего повреждения. Гроб Меньшикова был тогда же засыпан землею. Городничий не приказывал поднимать его на поверхность и я то же сделал 6 января, желая удостовериться: действительно ли тело, найденное городничим, – было тело Меньшикова. При первом взгляде я узнал его по фамильному портрету, бывшему у меня» (цит. по: [Голодников, 1886, с. 70]).

В работе над поэмой «Сибирь» Цветаева стремится охватить обширный и эстетический, и исторический материал: краеведческие и публицистические издания, словари и справочники, научные труды историков. Как и многие ее современники, Цветаева ощущала свои исторические тексты как арену внутренней борьбы между историческим фактом и поэтическим образом. Об этом чувстве она напишет в письме В. Н. Буниной от 28 августа 1933 г.: «Во мне вечно и страстно борются поэт и историк. Знаю это по своей огромной (неконченной) вещи о Царской Семье, где историк поэта – загнал» [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 253].

Однако эстетическая природа поэмы «Сибирь», методы, при помощи которых Цветаева конвертирует исторические факты в поэтические образы, показывают, что перед нами скорее не историческая, а историософская поэма. В событиях, происходивших когда-то на далеких окраинах империи, поэт мучительно ищет закономерности, подбирая ключи к историческому настоящему (моменту краха именно той империи, начало которой прямо связано с русской экспансией в Сибирь) и к личной истории.

Список литературы

- Белецкий С. П. Григорий Распутин (Из записок). Пг., 1923.
[Брокгауз и Ефрон.] Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907. Т. 1–41.
- Волошин М. А. Собр. соч. М., 2003. Т. 1.
- Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск, 1886.
- Записные книжки Ал. Блока. Л., 1930.
- История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога / Сост. В. К. Андриевич.
- Коркина Е. Б. Поэма о Царской семье // Wiener Slawistischer Almanach. Цветаева М. Статьи и тексты. Sonderband 32. Wien, 1992. С. 171–200.
- Кузмин М. А. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 2000.
- Манькова И. Л. Монастырь в пространстве сибирского города (по материалам Туринска XVII – первой половины XVIII в.) // Изв. УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 1 (148). С. 120–134.
- Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994.
- Словцов П. Историческое обозрение Сибири. М., 1838. Кн. 1.
- Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой / Репр. изд. М., 1990.
- Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1994–1995.
- Цветаева М. Стихотворения и поэмы: В 5 т. New York, 1980. Т. 1.
- Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е. Б. Коркиной. Л., 1990.
- Бальмонт К. Д.; Цветаева М. И. Голубая подкова. Стихи о Сибири; Сибирь. Новосибирск, 2019.
- Шатин Ю. В. В полемике с веком // Цветаева М. В полемике с веком. Новосибирск, 1991. С. 3–19.
- Шатин Ю. В. Ожившие картины: экфразис и диегизис // Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М., 2015. С. 159–171.
- Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Воспоминания. М., 1990.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1892.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882.

Article metadata

Title: Siberia in the Poetic Imagination of Russian Modernism: Living and Animated Paintings by Marina Tsvetaeva

Author: S. Yu. Kornienko

Author's e-mail: sve-kornienko@yandex.ru

Author's affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The article is devoted to the experience of poetic visionarism and ekphrastic description in the narrative poem “Siberia” by Marina Tsvetaeva. Tsvetaeva’s poem is a text with a double status. On the one hand, this is a completed historical poem dedicated to the early history of Siberia and the Russian Empire (16th – 17th centuries). On the other hand, the poem is part of a large historical epic (“Poem of the Tsar’s Family”) dedicated to the collapse of the empire and the tragic fate of its rulers. The primary sources for Tsvetaeva’s poetic visionary work are the works of Siberian historians (K. Golodnikov, P. Slovtsov, I. Fisher and others), as well as the literary texts of her contemporaries (M. Voloshin). Marina Tsvetaeva has never been to Siberia, there were no meaningful encounters with Siberians in her personal biography, however her contribution to the Siberian text of Russian modernism can be considered as significant. The article explores the sources of several “living pictures” (poetic historical sketches of the morals of pre-Petrine Russia). In particular, the paper deals with the history of the Pokrovsko-Turin Monastery in Tsvetaeva’s poetic reflection. The historical sketch is significantly deepened by the appearance of the “Siberian elder” Grigory Rasputin within the 17th century history. This figure, while still alive, was mythologized simultaneously on an hagiographic and a demonological basis. Tsvetaeva presents this exotic figure as a cultural revenge of pre-Petrine Rus. In such a historiosophical construction, an important role is played by the Siberian origins of Rasputin. Against the background of various “living pictures” of Tsvetaeva’s poem, one “revived” picture stands out. This is an ekphrastic image of “Menshikov in Berezovo”, referring both to V. Surikov’s painting and to M. Kuzmin’s famous poem “December freezes in a pink sky...”. Tsvetaeva’s image of Menshikov clearly takes on palimpsest features. A similar phenomenon (a multilayered work as a factor in the liberation of author’s consciousness from empirical reality) was examined by Yu. V. Shatin.

Key terms: Siberian text, ekphrasis, Marina Tsvetaeva, palimpsest, Rasputin.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-152-169

Reference literature (in transliteration):

Balmont K. D., Tsvetaeva M. I. Golubaya podkova. Stikhi o Sibiri. Sibir’. Poema. Novosibirsk, 2019. (in Russ.)

Beletsky S. P. Grigory Rasputin (Iz zapisok). Petrograd, 1923. (in Russ.)

[Brokgauz i Efron.] Entsiklopedicheskiy slovar’. St. Petersburg, 1890–1907, vol. 1–41. (in Russ.)

- Frejlina ee velichstva. "Dnevnik" i vospominaniya Anny Vyrubovoy. Moscow, 1990. (in Russ.)
- Golodnikov K. Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti: istoricheskiy ocherk. Tobolsk, 1886. (in Russ.)
- Istoriya Sibiri. Comp. by V. K. Andrievich. St. Petersburg, 1889, pt. 1. (in Russ.)
- Korkina E. B. Poema o Tsarskoy sem'e. In: Wiener Slawistischer Almanach. Tsvetaeva M. Stat'i i teksty. Sonderband 32. Wien, 1992, p. 171–200. (in Russ.)
- Kuzmin M. A. Stikhotvoreniya. Intr., comp., prep., comment. by N. A. Bogomolov. St. Petersburg, 2000. (in Russ.)
- Mankova I. L. Monastyr' v prostranstve sibirskogo goroda (po materialam Turinska XVII – pervoy poloviny XVIII v.). *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18, no. 1 (148), p. 120–134. (in Russ.)
- Rozaov V. V. Mimoletnoe. Moscow, 1994. (in Russ.)
- Shatin Yu. V. Ozhivshie kartiny: ekfrazis i diegizis. In: Shatin Yu. V. Russkaya literatura v zerkale semiotiki. Moscow, 2015, p. 159–171. (in Russ.)
- Shatin Yu. V. V polemike s vekom. In: Tsvetaeva M. V polemike s vekom. Novosibirsk, 1991, p. 3–19. (in Russ.)
- Slovtsov P. Istoricheskoe obozrenie Sibiri. Moscow, 1838, pt. 1. (in Russ.)
- Tsvetaeva M. I. Sobranie sochineniy. In 7 vols. Comp., prep., comment. by A. Saakyants and L. Mnukhin. Moscow, 1994–1995. (in Russ.)
- Tsvetaeva M. I. Stikhotvoreniya i poemy. Intr., comp., prep., comment. by E. B. Korkina. Leningrad, 1990. (in Russ.)
- Tsvetaeva M. Stikhotvoreniya i pojemy: In 5 vols. New York, 1980, vol. 1. (in Russ.)
- Voloshin M. A. Sobranie sochineniy. Moscow, 2003, vol. 1. (in Russ.)
- Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. 2nd ed. St. Petersburg, 1892. (in Russ.)
- Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya. K yubileyu trekhstotletiya. St. Petersburg, 1882. (in Russ.)
- Yusupov F. F. Konets Rasputina. Vospominaniya. Moscow, 1990. (in Russ.)
- Zapisnye knizhki Al. Bloka. Leningrad, 1930. (in Russ.)